

ПРОЛОГ

Я шла к Рею так, как идут, наверное, на казнь. В голове было пусто, внутри все звенело от боли, но отступить сейчас? Нет, не выйдет. Не хочу и не стану. Поэтому только прибавила шагу, а затем остановилась перед знакомой дверью кабинета. Сейчас все и решится. Раз и навсегда, потому что такое не прощают. Подняла руку, в последний раз взглянула на обручальное кольцо — и постучала.

— Входите.

Звук родного голоса на миг выбил почву из-под ног, но что поделаешь, когда все рухнуло и осталось только собирать осколки? То-то же, ничего. Я крепче сжала кулаки, глубоко дыша, и переступила порог. Рей сидел за рабочим столом — массивным, дубовым. Сейчас без очков, потому что кого опасаться в собственном кабинете? Отыскала взглядом очки — далековато, не дотянется, если вдруг что. А Рей увидел меня и улыбнулся:

— Ты что-то рано, Минни. Отменили пары?

— Нам нужно поговорить.

Села напротив, стараясь казаться спокойной. Как в последний раз, изучила худощавое лицо с большими внимательными глазами, губы, которые так любила целовать. Я не хотела делать ему больно, но иначе не могла.

ОЛЬГА ВАЛЕНТЕЕВА

— Я слушаю тебя. — Рей насторожился. Видно, вычитал что-то такое в моем лице.

А я не знала, что ему сказать. Точнее как, чтобы не было так невыносимо. Хотя что тут скажешь?

— Знаешь, кое-что изменилось, — произнесла, снимая с пальца обручальное кольцо и опуская перед ним на стол. — Я не смогу выйти за тебя замуж и разрываю помолвку.

— Что? — Рей уставился на меня так пронзительно, что не хватало дыхания.

— Я. Разрываю. Помолвку.

Почувствовала, как защипало глаза, но надо быть сильной. Удержаться на краю и не скатиться в пропасть. Рей тоже сильный, он справится.

— Почему? — сорвался вопрос с его губ.

— Потому что так надо.

— Почему, Аманда? Что я сделал не так?

А в глазах — гроза! Я знала, что делаю ему больно, и понимала, что еще немного, и сорвусь, не смогу. Пора заканчивать представление.

— Я люблю другого.

Вот так. Пусть возненавидит меня, пусть считает падшей женщиной. Это лучше, тем тянуть дальше, до того момента, пока не смогу уйти. Рей был моим миром. Но сейчас настала пора прощаться. За окном, кажется, пошел снег...

— И еще, я понимаю, что нам теперь будет сложно работать вместе, поэтому увольняюсь. Вот заявление, — положила перед ним тоненький листок, исписанный мелким почерком. Остаться в университете Гарроуз и дальше не смогу, пока тут будет Рей.

— Подожди, какое отношение наша помолвка имеет к твоей должности? Минни, это глупо. И потом,

ДЕДЖИТЕ ДЕКАНА!

ты по закону должна отработать еще минимум неделю, потому что не предупредила заранее.

— Ты хочешь видеть меня и дальше? — поразилась я. — Или не услышал? Все кончено, Рей. Я ухожу от тебя. Прощай.

Подскочила и быстро направилась к двери, а закрыв ее за собой, и вовсе бросилась вон. Бежала так, что едва не потеряла туфли, и остановилась, только добравшись до общежития. Заперла за собой дверь, сползла на пол, закрыла лицо руками и позорно разрыдалась.

ГЛАВА 1

Учебный год летел, как на крыльях. Я не успела обернуться, как настал конец первого семестра. Наступила пора зимней сессии. Студенты бродили хмурые и часто забывали, кто они, куда идут и зачем. Зато прекрасно помнили формулы особо опасных заклинаний, которыми их обучали в университете Гарроуз. Что поделаешь? Экзамены есть экзамены. В то январское утро передо мной появился староста сто второй группы первого курса факультета взаимодействия с разумными и неразумными формами жизни Энджел Риад-Мориц. Он же — брат моего жениха и ректора университета Рея Денвера. Почему фамилии разные — давняя история. Казалась давней, хоть от нее и отделяло каких-то три месяца, но будто прошла целая жизнь.

— Сколько студентов имеют академическую задолженность? — грозно спрашивала я.

— Четверо, — отвечал Энджи, отмечая что-то в своем списке.

— Отлично, могло быть и больше. Передай, что у них осталось пять дней до начала зимних каникул. Не сдадут — я ректора за них просить не буду.

— Передам, — кивнул Энджел.

— Что-то еще?

— Да, декан Дейлис. Брат очень хотел знать, поедете ли вы с ним завтра во дворец, но так как вы сильно заняты и он застает вас только спящей...

АЕДЖ ИТЕ АЕКАНА!

Ну, Мышонок! Нашел кого подослать. Все дело в том, что во дворец я ехать не хотела. Нет, мы все еще дружили с королем Фердинандом, и он все еще пылал страстью к моей непутевой сестрице. Вот поэтому и не хотела ехать. Дин опять будет хмуриться, Лукреция снова будет вертеть хвостом. А Рей настаивает, потому что зимние балы — это зимние балы, и ему ехать придется. Да и пригласительные для нас Дин прислал заблаговременно.

Тогда почему я чувствовала себя загнанной в угол? Надо поговорить с Лури. Пусть прекратит портить жизнь королю, чтобы тот перестал портить ее королевству.

— Скажи Рею, что поеду, — ответила Энджелу. — Ты с нами?

— Само собой.

Энджи умчался так быстро, что только пятки зазвенели. Еще бы! На зимних балах должна была присутствовать его зазноба. Та самая, к которой он убегал, теряя ботинки, этой осенью. Нам с Реем было безумно любопытно, что это за девица. Тем более ни имени ее, ни титула Энджи не упоминал. А я, как куратор, имела право знать! И Рей — как ректор и брат. Наверное, это и пересилило мое нежелание идти на бал. Потерплю Лукрецию и Дина ради того, чтобы посмотреть на возлюбленную Энджи.

К счастью, большинство студентов уже сдали экзамены и теперь слонялись по общежитию, ожидая праздничной зимней церемонии — и начала каникул. Ровно через пять дней сменится календарь, и все желающие поедут навестить родственников. Университет опустеет, чтобы меньше чем через месяц наполниться шумом и гамом. Что ж, я собиралась потратить это

ОЛЬГА ВАЛЕНТЕЕВА

время на отдых. Мы с Реем и так слишком много работали и нигде не бывали вместе. Пора восполнить это досадное упущение! Но сначала — коварная сестрица, которая так и обитала в соседней комнате.

Постучала в двери Лури, дожидаясь ответа. В это время она должна была вернуться с пар давным-давно, но отвечать никто не торопился. Снова маску делает, что ли? Постучала снова.

— Что, не отвечают? — слышалось за спиной.

— Нет, — ответила я, а потом резко обернулась: — Лури, что за глупые вопросы?

Лукреция щеголяла цветущим видом. Еще бы ей не цвести! Бедный Дин уже не знал, какие еще методы использовать, чтобы заполучить даму сердца, а Лукреция беззастенчиво этим пользовалась. Вот и теперь в ушах сестры были серьги, подаренные его величеством. Фамильные, между прочим! С огромными алыми рубинами, а Лури приняла подарок так, будто и золото поддельное, и рубин — не рубин. Зато теперь сестрица ходила по территории университета в таком виде, будто собралась на бал — светлые волосы завиты волосок к волоску, платье не фривольное, конечно, — мы бы не потерпели, — но достаточно открытое, чтобы намекнуть, что под ним скрывается, и достаточно закрытое, чтобы не придрататься. А небесно-голубой цвет и вовсе не вписывался в каноны, как и туфельки на огромных каблуках, несмотря на зиму.

— Зачем пожаловали, мисс декан? — поинтересовалась сестра, открывая двери комнаты.

— Поговорить, — ответила я.

— Как начальник или как сестра?

— Как сестра.

ДЕДЖИТЕ ДЕКАНА!

— Тогда приходи через час. Я приму ванну, отдохну, и побеседуем.

— Издеваешься? — прищурилась я.

— Нет, но сейчас — мое свободное время, как хочю, так его и провожу.

Тут же захотелось вспомнить детство и вцепиться Лукреции в волосы, но я держала себя в руках. Декан я или кто? Поэтому чинно развернулась и пошла прочь.

— Аманда, ты куда? — долетел в спину удивленный голос.

— Вернусь через час, — ответила не оборачиваясь.

— Да ладно тебе! Заходи.

Хотелось уйти, но вспомнила о Дине и решила наступить гордости на горло, поэтому расправила плечи и все-таки вернулась. В комнате сестры царил легкий беспорядок — видно, Лукреция опаздывала на пары, потому что на диване осталась расческа, а по полу рассыпались страницы какого-то конспекта. Лури быстро их собрала и водрузила обратно на стол, а затем устала на меня.

— Я тебя слушаю, — сказала с прохладцей.

— Думаю, ты и так догадываешься, зачем я пришла. Скажи-ка мне, дорогая Лукреция, поедешь ли ты на открытие зимнего сезона балов?

— Нет, — неожиданно ответила Лури.

— Почему это? — насторожилась я.

— Да потому, что не хочу.

Она пожалала плечиками, будто это само собой разумеется и не она осенью умоляла меня выпросить приглашения у короля. Конечно, теперь его величество приезжал в университет Гарроуз сам, и у Лури не было необходимости искать с ним встречи.

ОЛЬГА ВАЛЕНТЕЕВА

— Зачем ты обижаешь Дина? — спросила в который раз за эти три месяца. — Ты ведь понимаешь, что барышень, подобных тебе, во дворце пруд пруди. Продолжишь заниматься глупостями, он найдет себе другую.

— Пусть только попробует! — Лукреция мигом перестала напоминать пустоголовую куколку. — Я обращаю ее в лягушку, сделаю чучело и украшу свой кабинет.

— Тогда зачем сама провоцируешь его? Фердинанд ведь не железный.

— Дорогая сестрица, — со скучающим видом ответила Лукреция, — его величество и сам знает ответ. Я просила его о такой малости! Снять иллюзию, потому что он трясется над ней больше, чем над государственной казней. Думаешь, он согласился? Еще чего!

— Лури, ты ведь понимаешь, чем это вызвано. Фердинанд не хочет, чтобы на него глядели с жалостью.

— А может, ему просто нравится ловить на себе восхищенные взгляды барышень? — нахмурилась сестра. — «Посмотрите, какой я красавчик». Нет, он действительно красавчик, но как объяснить этому остопопу, что его привлекательность никак не зависит от иллюзии?

— Никак, — признала я.

— И потом, я ведь вижу его без нее — и люблю. Так в чем проблема?

Любит она, как же. Точнее, я ни капли не сомневалась, что Лукреция любит Фердинанда. Когда его не было поблизости, она только о нем и думала, только о нем и говорила. Но стоило королю появиться поблизости, как сестрица тут же напускала холодный вид и воротила нос. Дин ругался, клялся, что больше в уни-

ДЕДЖИТЕ ДЕКАНА!

верситет ни ногой, и приезжал снова. Потому что его тоже угораздило влюбиться во вздорную Лукрецию.

— Потеряешь его, будешь знать, — сказала я сестрице. — Передумаешь насчет бала — скажешь, мы едем с Реем и Энджелом.

— Да-да, — Лури снова притворилась бабочкой-однодневкой. — Если я решу почтить дворец своим присутствием, ты об этом узнаешь первой. Теперь могу я, наконец, отдохнуть?

Намек был ясен. Я попрощалась с сестрой и вышла в коридор, вот только к себе не пошла, а вместо этого постучала в двери ректора Денвера. После наших осенних походов язык не поворачивался называть его Мышонком, хотя сам Рей, казалось, смирился с прозвищем и даже привык.

— Входите, — донесся ответ.

Коварный ректор, часом ранее отправивший брата на верную гибель, то есть ко мне, сидел за столом и перебирал бумаги. Выглядел при этом до того мрачно, что мне захотелось зевнуть.

— Минни? — поднял голову. — Я думал, ты еще в главном корпусе.

— А я вот вернулась, — улыбнулась ему. — Как прошел рабочий день?

А сама скользнула кошкой и обняла Рея со спины, целуя в щеку. Учись, Лукреция!

— Неплохо. — Ректор улыбнулся в ответ. — Скучал по тебе.

— Поэтому не пришел на обед?

— Не было времени. Прислали приказы из министерства, и...

Приложила палец к его губам. Приказы, приказы... Видели, знаем. А вот провести время с любимым муж-

ОЛЬГА ВАЛЕНТЕЕВА

чиной — это бесценно, поэтому я забрала у Рея очередную стопку бумаг и сказала:

— Работа никуда не денется, а вот я могу.

— И что же вы предлагаете, мисс Дейлис? — ответил мой жених.

— Для начала поужинать, а затем немного прогуляться по хрустящему снегу. Думаю, вам понравится, ректор Денвер.

— Мне уже нравится, — ответил Рей, поднимаясь из-за стола и обнимая меня. За эти три месяца я ни разу не пожалела, что сказала ему «да», и собиралась летом повторить ответ при свидетелях, чтобы стать миссис Денвер. То-то студенты запутаются! А пока что украла любимого мужчину у бумаг и документов. На сегодняшний вечер он мой.

ГЛАВА 2

Еще один экзамен! Всего один экзамен — и вечером можно отправляться на бал во дворец. Любопытство брало верх, потому что утром мельком видела Энджела. Тот выглядел мечтательно, будто под ногами не земля, а пушистые облака, и снова соорудил на голове нечто невообразимое. Это, наверное, у них семейное. Один прячется за очками, второй — за иллюзией, третий — за странными прическами. Хорошо хоть, в учебное время Энджи вел себя как обычный студент и перестал шокировать однокурсников экстравагантными выходками. Правда, это не сильно добавило любви к нему, потому что первые недели совместного обучения были еще живы в памяти студентов, а назвать их приятными не повернулся бы язык. Поэтому Энджи в основном коротал время в одиночестве либо у нас с Реем. Мне

АЕДЖ ИТЕ АЕКАНА!

он не мешал, но ему самому наше будущее родство доставляло проблем. Рей по-прежнему не распространялся, что Энджи — его брат, и студенты считали, что выскочка Риад — в документах на поступление мы пока фамилию не сменили — занимается лизоблюдством и подхалимажем. Не объяснишь ведь, что мы почти родственники. И не выставишь за дверь — обидится.

О чем это я? Ах да, об экзамене. Третьекурсник передо мной отчаянно пытался вспомнить, чем отличается горный дух от скалистого. Я молчала и буравила бедолагу взглядом, отчего тот заикался еще больше. Группа, уже покончившая с экзаменом, ждала только сигнала, чтобы скрыться за дверью, и тихо ненавидела несчастного.

— Ну же, студент Шаллер. — Я пыталась добиться хоть подобия ответа. — Горные духи водятся где?

— В горах, — проблеял тот.

— А скалистые?

— В скалах? — уставился на меня честными глазами.

— Нет.

— А где?

— А это вы мне скажите.

— М-м-м, в ущельях?

— Ближе, — кивнула я.

— В... расщелинах?

— Bravo, студент Шаллер, и ста лет не прошло. Почему же их тогда называют скалистыми?

— Из-за цвета?

— Это невыносимо, — я захлопнула его зачетку. — Пересдача через четыре дня. Либо вы исправите неуд, либо пойдете изучать отличия горных и скалистых духов на местности.